

АННА ПОПОВА

Донецкий национальный университет

ТРИ ЖЕНСКИХ ВОЗРАСТА В ИСТОРИИ МОЕЙ ЖИЗНИ ЖОРЖ САНД

Three female ages in *Histoire de ma vie* by George Sand

The article focuses on how the category of age is interpreted in George Sand's *The History of my Life*, how general and gender aspects are related in every phase of age triad "childhood – youth – old age" and author's personal experience of maturation coincides with diachronic paradigm "daughter – mother – grandmother". This correspondence helps the writer to investigate her own personal evolution *ad absurdum*. Synchronic and diachronic narrative levels stipulate George Sand's interpretation of the conventional opposition "youth – old age" through two pairs of concepts: "youth – maturation" and "childhood – old age".

Keywords: George Sand, autobiography, human ages, childhood, youth, maturation, old age

Возраст – категория, характеризующая жизненный путь человека не только с биологической, но и с психологической, антропологической и социокультурной точек зрения. Лишь в конце XIX века ставший объектом научных исследований, он с древнейших времен был предметом художественного осмысления в литературе и искусстве. Наиболее обширный материал для изучения особенностей интерпретации темы возраста в различные культурные эпохи содержат мемуарно-автобиографические тексты, поскольку их сюжетом является история собственной жизни автора, рассмотренная, как правило, с высоты прожитых лет.

История моей жизни Жорж Санд, опубликованная в 1855-м году, продолжает уже сложившуюся во французской литературе традицию самоанализа и одновременно поднимает проблему женской самоидентификации. Книга балансирует между двумя моделями повествования о себе, предложенными Руссо и Шатобрианом, будучи в равной мере интересна и как история жизни автора, и как документ, отражающий эволюцию самосознания женщины в постреволюционную эпоху. В ней Жорж Санд, отказавшись от привычного для нее

повествования в мужском роде и прибегнув к повествованию от первого лица в женском роде (т.е., с согласованиями по женскому типу)¹, фиксирует и осмысляет основные этапы формирования именно женской личности. При этом, она подчеркивает свое несоответствие стереотипному образу женщины и одновременно говорит о типичности своей женской натуры:

Je n'étais donc pas tout à fait une femme comme celles que censurent et raillent les moralistes; j'avais dans l'âme l'enthousiasme du beau, la soif du vrai, et pourtant j'étais bien une femme comme toutes les autres, souffreteuse, nerveuse, dominée par l'imagination, puérilement accessible aux attendrissemens et aux inquiétudes de la maternité² (George Sand 2001, II, 328)³.

Это противоречие, заявленное в самом начале книги, определяет характер дальнейшего повествования, в котором автор ставит задачу сформулировать универсальные закономерности становления и развития личности на основе своего уникального опыта.

Заявленный в названии книги жанр «истории» предполагает хронологический принцип повествования, который формально соблюдается автором. Однако, вопреки ожиданиям, историю СВОЕЙ жизни Жорж Санд начинает с описания событий, которые происходили за добрую сотню лет до ее появления на свет, мотивируя это тем, что человеческая личность формируется не только на основе личного опыта, но и под влиянием совокупного опыта предшествующих поколений. И если Шатобриан в *Замогильных записках* (1848) приводит лишь краткую родословную своего дворянского рода, уместившуюся на десятке страниц, то Жорж Санд в девятнадцати главах дает

¹ П. Лафорг в статье *Le Jedans* «*Histoire de ma vie*» называет повествование от первого лица в женском роде одним из способов конструирования авторской идентичности в *Истории моей жизни*, обращая внимание на диссонанс, возникший при этом в читательском восприятии, сформированном предшествующими текстами Жорж Санд (Laforgue 2006, 347-348).

² Я была вовсе не из тех женщин, которых критикуют и высмеивают моралисты; моя душа вдохновлялась прекрасным и жаждала истины, и в то же время, я была женщиной, подобной всем остальным, болезненной, раздражительной, с буйным воображением и, как любая мать, легко впадающей в умиление и беспокойство. (Здесь и далее перевод с французского *Истории моей жизни* мой – А. П.).

³ Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы в скобках.

пространное описание всех своих предков по отцовской линии, начиная с прадеда, Морица Саксонского, и детально воспроизводит историю жизни и взаимоотношений своих родителей. Столь же нетривиально она подходит и к периодизации собственного жизненного пути. Более или менее точная возрастная градация дана только в самом начале повествования, когда речь идет о детстве, в хронологию которого автор включает несколько лет до своего появления на свет. Так, названная вполне стандартно глава *Мои ранние годы. 1800-1810*, охватывает временной отрезок в десять лет, из которых только шесть последних приходятся на первые годы жизни Авроры Дюпен. При этом переход к следующей части никак не связан с возрастными изменениями, но обусловлен изменением обстоятельств жизни героини, вынужденной расстаться с матерью и жить с бабушкой в Ноане, лишь время от времени бывая в Париже. Следующая глава, *От детства к юности. 1810-1819*, заканчивается духовным преображением, совершившимся в душе героини под влиянием услышанной в церкви августиновской формулы «Tolle, lege». Этот, по сути, агиографический сюжетный ход, созвучный шатобриановскому «J'ai pleuré et j'ai cru» (Chateaubriand 1989, I, 700) и восходящий непосредственно к августиновскому «Буря, бушевавшая во мне, разрешилась ливнем слез» (Августин 2000, 600-601), переводит повествование в русло духовной автобиографии, сообщая истории жизни житийный характер («...un torrent de larmes inonda mon visage. Je sentis encore que j'aimais Dieu»⁴ (Chateaubriand 1989, I, 600)). Наименование следующей части как будто вполне соответствует этой интенции. Отказываясь от возрастной периодизации, автор смещает акцент в сторону духовного и эмоционального становления личности: *От мистицизма к независимости. 1819-1832*. Но уже в пятой части, озаглавленной *Литературная и личная жизнь. 1832-1850*, высокий духовный регистр повествования уступает место мирскому. Таким образом, в *Истории моей жизни* контаминированы хронологический и тематический принципы композиции, существовавшие в автобиографических текстах ее предшественников по отдельности. И Руссо, и Шатобриан, хотя и не структурируют свои автобиографические тексты в соответствии с общепринятой возрастной градацией, тем не менее, придерживаются единого принципа периодизации жизненного пути. У Руссо это двенадцать книг с датировкой, но без заглавий, повествующие о временных

⁴ <...> мое лицо залил хлынувший поток слез. И я почувствовала, что люблю Бога.

отрезках разной длины, вычленяемых из жизненного потока в соответствии с обстоятельствами становления его личности (жизнь в родительском доме, бегство и странствия, знакомство с г-жой де Варанс, жизнь в Эрмитаже и т.п.). Всякий раз, переходя от одной книги к другой, автор обозначает и комментирует свой возраст (16 лет, 21-й год, 30 лет и т.д.). Количество книг – двенадцать – позволяет также предположить имплицитное соответствие годового и жизненного циклов, которое, однако, нигде прямо не обосновывается⁵. Шатобриан, напротив, не только снабжает главы своих *Замогильных записок* подробными подзаголовками, часто с указаниями точных дат и временных отрезков, но и делит повествование на четыре части: три соответствуют его «карьерам» – путешественника и солдата, писателя, политика, а четвертая представляет собой дневниковые записи последних лет жизни (деление на части исчезло только в самой последней редакции 1846-го года). По сравнению с этими двумя моделями кажущаяся, на первый взгляд, эклектичной периодизация в *Истории моей жизни* производит впечатление произвольной. Тем не менее, здесь есть своя логика, которая диктуется сформулированной в самом начале повествования задачей – осмысляя свой жизненный путь, раскрыть читателям закономерности их собственной жизни: «ma vie, c'est la vôtre»⁶ (George Sand 2001, I, 69); «Le récit des souffrances et des luttes de la vie de chaque homme est donc l'enseignement de tous»⁷ (George Sand 2001, I, 51). При этом вехи личной биографии автора не всегда совпадают с универсальными этапами возрастного развития.

Возрастная триада – детство–молодость–старость – соотносится в повествовании с тремя женскими ипостасями – дочь–мать–бабушка, которые представлены в виде диахронического и синхронического рядов. Героиня показана в процессе своего развития от юной Авроры Дюпен к матери семейства, госпоже Дюдеван, ставшей затем легендарной «доброй дамой из Ноана», предводительницей веселой ватаги молодых талантов и заботливой бабушкой. В то же время, на страницах воспоминаний одновременно присутствуют женщины трех поко-

⁵ Ф. Арьес пишет о популярной в 14-16 вв. традиции соотносить возрасты жизни с двенадцатью знаками зодиака, воплощением которой стали многочисленные т.н. «возрастные календари» (Арьес 1999, 33-34).

⁶ <...> моя жизнь – это и ваша жизнь.

⁷ Рассказ о жизненных страданиях и борениях каждого человека – это урок для всех

лений – сама Аврора, ее мать и ее бабушка. Такая система образов дает автору возможность не только проследить эволюцию своей собственной личности, но и соотнести ее ключевые этапы с традиционными формами реализации гендерных моделей. Примечательно, что живя фактически в женском мире (сначала с матерью и сестрой, потом с бабушкой и ее горничными, далее в монастыре), Аврора не усваивает образ мыслей и поведение, свойственные ее окружению. Процесс самоидентификации осуществляется от противного: формулируя те или иные закономерности, характерные для определенных возрастных групп и социальных ролей, автор непременно отмечает уникальность своего опыта: от физических особенностей, обусловленных суровым воспитанием Дешартра и монастырскими ограничениями, до пренебрежения к нарядам и кокетству, усвоенных от бабушки (George Sand 2001, II, 328). Образы матери и бабушки служат также фоном, на котором еще отчетливее видны индивидуальные черты характера героини повествования. Например, сравнивая себя с матерью, она приходит к выводу, что представляет собой лишь ее «бледную копию»: «A certains égards, j'ai beaucoup d'elle, mais en moins bon et en moins rude; je suis une empreinte très affaiblie par la nature ou très modifiée par l'éducation»⁸ (George Sand 2001, I, 227). Нелицеприятное, на первый взгляд, признание вполне соответствует представлениям Жорж Санд о внутренней гармонии, достижение которой неразрывно связано с обретением душевного покоя в зрелом возрасте.

Наиболее подробно в *Истории моей жизни* представлены детские и юношеские годы Авроры. Для этого этапа жизненного пути актуальна возрастная периодизация, что находит отражение в названиях первых двух частей, повествующих о жизненном отрезке героини от рождения до пятнадцати лет. Детство здесь подразделяется на стадии, однако их возрастные границы расплывчаты и определяются индивидуально. Так, 5-летнюю ученицу-англичанку в монастыре английских августинок и себя 6-летнюю автор называет «petit enfant» («malheureux petit enfant» (George Sand 2001, I, 517); «quand j'étais un petit enfant» (George Sand 2001, I, 300)), но это же словосочетание, наравне с «nouveau-né», используется и применительно к новорожденному («mon père me rappela et me montra un petit enfant» (George Sand 2001, I, 191); «Il y avait trouvé les ossemens d'un petit enfant»

⁸ В некоторых отношениях, я многое унаследовала от нее, но в меньшей степени и полноте; я – оттиск, либо слабый от природы, либо чрезвычайно измененный воспитанием.

(George Sand 2001, I, 210)). Применительно к себе 7-летней встречается также формулировка «jeune enfant» (George Sand 2001, I, 261), принятая в современной возрастной психологии для обозначения возраста ребенка от 2-х до 6-ти лет. Это может быть следствием расплывчатости и неразработанности во Франции вплоть до XIX века терминологии, связанной с градацией детского возраста, на что обращает внимание Ф. Арьес (Арьес 1999, 36). Действительно, в *Истории* ребенком («enfant») автор называет и младенца, и 15-летнего подростка, и юношу 21-го года, а вместо ныне общеупотребительного обозначения младенца «bébé», закономерно отсутствующего в тексте, написанном в первой половине XIX века, использует просторечное «marmot». Вместе с тем, из некоторых пассажей следует, что Жорж Санд довольно четко подразделяет детей на возрастные группы. Вот как она описывает общество, собиравшееся в доме супругов дю Плесси:

on recevait tant de monde, qu'il était facile à chacun de choisir un groupe de préférence pour sa société. La mienne se forma de tout ce qu'il y avait de plus enfant dans le château. Depuis les marmots jusqu'aux jeunes filles et aux jeunes garçons, cousins, neveux et amis de la famille, nous nous trouvâmes une douzaine, qui s'augmenta encore des enfans et adolescens de la ferme⁹ (George Sand 2001, II, 233).

Детство самой Авроры Дюпен также представлено как дискретный процесс, хотя его периодизация носит, скорее, субъективный характер. Так, первое осознанное воспоминание, спровоцированное падением и ударом об угол камина, датируется двухлетним возрастом, в возрасте четырёх лет Аврора впервые испытывает острое чувство привязанности к матери и начинается ее эмоциональное развитие («la vie du sentiment» (George Sand 2001, I, 191)), в тринадцать лет, во время первого причастия, она впервые оказывается перед нравственной дилеммой и самостоятельно принимает ответственное решение, наконец, призыв, услышанный в монастырской часовне, знаменует начало ее духовного развития. Можно предположить, что такой импульсивно-скачкообразный характер претерпеваемых изменений отражает не только темперамент самой Жорж Санд, но и романти-

⁹ <...> там бывало столько народу, что каждый мог легко выбрать общество по своему вкусу. Моя компания состояла из самых младших гостей замка. Нас набиралось около дюжины, от мальшей до юношей и девушек – кузены, племянники и друзья семьи, не считая детей и подростков с фермы (Здесь и далее подчеркнуто мной. – А. П.).

ческое мироощущение эпохи, сформировавшее ее творческую манеру. При этом не исключено и знакомство писательницы с трудами современников по вопросам воспитания и детской психологии. Например, в письме к Жорж Санд, датированном апрелем 1836 года Ф. Лист упоминает «весьма примечательное» (*très remarquable*) сочинение Альбертины Адриенны Неккер де Соссюр *Прогрессивное образование, или Очерки по преподаванию жизни* (фр.: *L'Éducation progressive, ou étude sur le cours de la vie*, 1828–1838), в котором речь идет о раннем детстве, отрочестве и юности женщины: «Je ne saisis vous avez parcouru l'ouvrage de Mme Nekker de Saussure sur l'Éducation progressive. C'est un livre très remarquable...» (Цит. по: Marix-Spire 1954, 616–617). И хотя сама Жорж Санд отрицает наличие специальных знаний в этой области («Je ne me connais pas beaucoup au point de vue de la théorie: j'ai seulement l'expérience de ce qui me tue ou me ranime dans la pratique de la vie»¹⁰ (George Sand 2001, II, 236)), из текста воспоминаний видно, что задолго до выделения психологии детства в самостоятельную отрасль психологической науки¹¹ она обращает внимание на общие закономерности психофизического развития ребенка.

В *Истории моей жизни* детство описано как процесс, связанный прежде всего с формированием внутреннего мира, становлением эмоциональной, нравственной и духовной сферы личности. Оно подразделяется на периоды в соответствии с уровнем психического развития индивида, его желаниями и формами поведения. Так, для раннего детства, от трех до шести лет, характерны вера в чудесное и сверхъестественное, живость воображения, которые Жорж Санд объясняет незримой связью детской души с божественным лоном, где она пребывала до своего земного воплощения («Avant de se former dans le sein de sa mère, n'avait-il pas une existence quelconque dans le sein impénétrable de la divinité?»¹² (George Sand 2001, I, 146)). В этот период

¹⁰ Я не много смыслю в теории: я только знаю из каждодневного жизненного опыта, что меня убивает и что воскрешает.

¹¹ Отдельные труды по психологии детства появились либо уже после выхода в свет *Истории моей жизни* (1855), либо были опубликованы, когда работа над воспоминаниями подходила к концу: Лебиш: *История развития души ребенка* (1851), Сигизмунд: *Душа и мир* (1856) и Кусмауль: *Untersuchungen über das Seelenleben des neugeborenen Menschen* (1859) (Зеньковский 1924, 2-3).

¹² Прежде чем сформироваться в материнской утробе, не пребывал ли он какое-то время в неисповедимом божественном лоне?

дитя живет в фантастическом мире, исполненном поэзии («un monde fantastique et poétique» (George Sand 2001, I, 444)). На следующем этапе, от шести до двенадцати-тринадцати лет, ребенок развивает интеллект, получая начальные знания о мире, тогда же происходит и его духовное развитие («j'eus besoin d'en faire aussi un monde religieux ou philosophique, c'est-à-dire moral ou sentimental»¹³ (George Sand 2001, I, 444)). В возрасте четырнадцати-пятнадцати лет наступает подростковый период, когда окончательно формируется эмоционально-чувственная сфера юного создания на пороге зрелости. Этому времени в книге уделяется особое внимание. Предвосхищая интерес XX века к теме подростка¹⁴, Жорж Санд раскрывает уникальный характер этой переходной возрастной фазы между детством и юностью, акцентируя чистоту и невинность сознания полурепбенка-полувзрослого, которую он вскоре неминуемо утратит: «cette source de poésie qu'offre ce moment rapide et unique dans la vie de l'homme»¹⁵ (George Sand 2001, I, 88).

Примечательно, что несмотря на повествование в женском роде от первого лица и акцентирование гендерной принадлежности маленькой героини *Истории моей жизни*, именно в рассказе о детских годах, наблюдается сознательная тенденция к генерализации¹⁶. Опираясь на личный опыт, Жорж Санд создает универсальный образ детства, сравнивая свои воспоминания с позднейшими наблюдениями уже в качестве матери, затем – бабушки, а также апеллируя к опыту читателей и призывая их в свидетели подлинности изображаемого («Vous avez cherché, comme moi, à vous rendre raison de votre existence, et vous avez posé quelques conclusions. Comparez les miennes aux vôtres. Pesez et prononcez. La vérité ne sort que de l'examen»¹⁷ (George Sand 2001, I, 68-69)). Говоря об индивидуальном, она непременно

¹³ <...> у меня возникла потребность сделать его [внутренний мир – А. П.] религиозным или философическим, а значит, нравственным или чувственным.

¹⁴ Первое концептуальное представление отрочества-юности было дано Г. Стэнли Холлом в его фундаментальном двухтомном труде *Юность (Adolescence)*, опубликованном в 1904 г. (Фориша-Ковач 2006, 717).

¹⁵ <...> тот источник поэзии, который дарует это мимолетное мгновение человеческой жизни.

¹⁶ Гендерный аспект изображения детства в *Истории моей жизни* подробно рассматривается в статье К. Планте *L'enfance ne passe pas pour tout le monde - Sur quelques figures de l'enfance au féminin dans Histoire de ma vie* (Planté 2006).

¹⁷ Вы, как и я, стремились дать себе отчет в своем существовании, и вы пришли к некоторым выводам. Сравните мои со своими. Взвесьте и огласите свое решение. Истина – это всегда результат тщательного изучения.

переводит его в разряд всеобщего. Так, рассказ о куклах маленькой Авроры предваряется замечанием об отношении девочек к куклам («Le sentiment que les petites filles éprouvent pour leur poupée est véritablement assez bizarre, et je l'ai ressenti si longtemps et si vivement, que, sans l'expliquer, je puis aisément le définir»¹⁸ (George Sand 2001, I, 168)), а воспоминания о Рождестве и подарках от Деда Мороза завершаются фразой о роли воображения в жизни всякого ребенка («L'imagination jouait encore là son rôle, et c'est toute la vie de l'enfant»¹⁹ (George Sand 2001, I, 145)). В духе романтической традиции автор обращает внимание также на ситуации, маркирующие детство как невинную и безмятежную пору, исполненную ощущения тайны и волшебства, называет это время «золотым веком» («âge d'or»), миром грез «monde des songes», мечтой «un rêve», счастливыми временами («heureux temps»).

Отчетливая гендерная маркировка появляется в описании психоэмоционального состояния подростка. При этом речь идет о внутреннем мире юноши, который противопоставляется внутреннему миру его ровесниц («il n'a point cette puérile coquetterie, cette curiosité inquiète, cette personnalité ombrageuse qui tourmentent souvent le premier développement de la femme»²⁰ (George Sand 2001, I, 88)), а тот, в свою очередь, оказывается диаметрально противоположным самоощущению героини («Je n'avais pas cette sollicitude immodérée pour ma personne que j'ai vue se développer à l'âge que j'avais alors chez presque toutes les jeunes filles que j'ai connues»²¹ (George Sand 2001, I, 592)). Повествуя о подростковом этапе своей жизни, Жорж Санд саму себя ни разу прямо не называет подростком, предпочитая безличные конструкции: «La claustration et la règles ont apparemment ce qu'il y a de plus antipathique à l'adolescence. Pour moi, si je souffris physiquement de

¹⁸ Маленькие девочки и впрямь весьма странно относятся к своим куклам, я так долго и так живо помнила это ощущение, что, не умея объяснить его природу, легко могу его описать.

¹⁹ Тут еще играло свою роль воображение, а оно определяет всю жизнь ребенка.

²⁰ <...> в нем напрочь отсутствует это наивное кокетство, это беспокойное любопытство, эта обидчивость, которые часто омрачают первый этап становления женщины.

²¹ Мне было не свойственно то чрезмерное внимание к собственной персоне, которое, как я видела, возникало почти у всех девушек моего возраста, которых я знала.

la claustration, je ne m'en aperçus pas au moral»²² (George Sand 2001, I, 580–581). Возможно, причина кроется в том, что возрастные изменения на этом этапе неразрывно связаны с физиологией – темой, которая в XIX веке продолжает оставаться табуированной для женщин. Автор предпочитает опираться на свой материнский опыт, создавая образ подростка на основе наблюдений за развитием сына Мориса. Причем, и в этом случае она действует избирательно, обходя молчанием тему взросления своей дочери Соланж.

В четвертой части *Истории* акцент смещается в сторону жизни души. И если в главах о детстве Жорж Санд обращала внимание на всеобщее в индивидуальном опыте, здесь она, наоборот, подчеркивает его уникальность: «Il est rare qu'un enfant de famille, un enfant de mon sexe surtout, se trouve abandonnée si jeune à sa propre gouverne»²³ (George Sand 2001, II, 90–91). Далее в тексте безличное «l'enfant» уступает место личным местоимениям «je» и «moi», усиливается гендерная маркированность поведения и образа мыслей. Так, задумав покончить с собой после прочтения шатобриановского *Рене*, Аврора выбирает очень «женский» способ самоубийства – она решает утопиться и, словно зачарованная, целыми днями бродит вдоль берега реки в поисках глубокого места.

Повествование о юношеских годах, при всей его внешней событийности, отличается интроспективностью, тогда как формы внешней репрезентации юности у Жорж Санд вполне стереотипны – красота (beauté), легкость (légèreté), свежесть (fraîcheur), беззаботность (insouciance), встречается также клишированное сравнение прекрасного юноши с цветком («Il était beau comme une fleur» (George Sand 2001, I, 88)). Определяющим на этом этапе, по мнению Жорж Санд, становится утверждение индивидуальности («personnalité»). Сформировавшаяся личность стремится к самоидентификации, расширяя свои границы, выходя за установленные пределы. Эта интенция амбивалентна, поскольку направлена одновременно и внутрь, и вовне. Познавая себя, личность открывает границы своих возможностей. «Бурный переворот» который, по выражению Руссо, предвещается «ропотом зарождающихся страстей» («cette orageuse révolution s'an-

²² По всей видимости, заточение и устав более всего противны отрочеству. Что же до меня, то если в физическом плане заточение и причиняло мне страдания, то в моральном я его не замечала.

²³ Редко бывает, чтобы домашний ребенок, в особенности, ребенок моего пола, в таком юном возрасте оказался предоставлен сам себе.

nonce par le murmure des passions naissantes» (Rousseau 1782, 358), у Жорж Санд представлен как неизбежность («fatalité»), а переживаемые в это время душевные катастрофы – как право и, вместе с тем, обязанность юности: «cette fatalité qui la pousse à découvrir le monde de son imagination et l'idéal de son cœur à travers l'imminence des naufrages, c'est presque un droit qu'elle exerce, puisque c'est une loi qu'elle subit»²⁴ (George Sand 2001, II, 406). На лексическом уровне личностная экспансия выражена в тексте глаголами завоевывать («gagner»), открывать («découvrir»), хватать и удерживать («saisir et fixer»). Сама же индивидуальность на стадии самоутверждения характеризуется эпитетами необузданная («violente») жаждущая («ardente»), беспокойная («inquiète»), настырная («tenace»), обидчивая («ombrageuse»), надменная («orgueilleuse») и даже глупая/бестолковая («imbécile»). Жорж Санд, исповедующая идею солидарности и всеобщего братства, и некоторое время увлекавшаяся философией Пьера Леру²⁵, дистанцируется от романтического культа индивидуальности, видя, вслед за своим учителем, проявление эгоизма в чрезмерном «чувстве личности» (предложен иной порядок слов) «Il ne faut pas confondre tous les besoins de l'âme dans un seul et même appétit de bonheur qui nous rendrait volontiers égoïstes. <...> Le grand but que nous devons tous poursuivre, c'est de tuer en nous le grand mal qui nous ronge, la personnalité»²⁶ (George Sand 2001, II, 332-333).

Вопреки устоявшейся традиции, юность у Жорж Санд – это пора, исполненная не только надежд, но также и беспокойного любопытства («cette curiosité inquiète»), будоражащих загадок («des

²⁴ <...> эта неизбежность, которая побуждает ее, ценой неминуемых катастроф, познавать идеал в своем сердце и мир своего воображения; можно сказать, что она, покоряясь закону, осуществляет свое право.

²⁵ В работе *Об индивидуализме и социализме*, написанной в 1834 году, Пьер Леру выделил два фундаментальных начала в обществе: «стремление человека к свободе» и «стремление человека к общественному единению». Стремление к общественному единению он противопоставлял, с одной стороны, эгоизму и индивидуализму, а с другой, «абсолютному социализму», отождествляемому им с тиранией бюрократического государства. «Индивидуализм» и «абсолютный социализм» (который в его глазах имел значение совершенно другое, чем принято в наши дни: он говорил о государстве, скорее, тоталитарном) Пьер Леру считал двумя крайними полюсами организации общества (Эпштейн, Кожевников 2014, 305).

²⁶ Не следует сводить все потребности души к единственной и всеобщей жажде счастья, которая делает всех нас эгоистами... Великая цель, к которой мы все должны стремиться заключается в том, чтобы убить в себе величайшее зло, гложущее нас изнутри – индивидуальность.

énigmes qui ont tourmenté ma jeunesse»). Состояние тревожного ожидания чего-то неведомого на пороге взросления («l'attente de l'inconnu») – еще один гендерно маркированный элемент мироощущения героини. В отличие, например, от шатобриановского Рене, который призывал желанные бури («Levez-vous vite, orages désirés, qui devez emporter René dans les espaces d'une autre vie!» (Chateaubriand 1857, 17), героиня *Истории моей жизни* неясному будущему предпочитает известное прошлое: «l'avenir me faisait plus de peur que d'envie. Je n'ai jamais aimé à regarder devant moi. L'inconnu m'effraie, j'aime mieux le passé qui m'attriste»²⁷ (George Sand 2001, I, 581).

Условным рубежом, отделяющим юность от взрослой жизни становится тридцатилетие – возраст, обладающий для писательницы символическим смыслом: в год своего тридцатилетия погиб ее отец, рожденный на свет Марией-Авророй Дюпен в тридцатилетнем возрасте, и в этом же возрасте Виктория Делаборд произвела на свет самую Аврору Дюпен. Для Жорж Санд эта века ознаменована обретением литературной славы после публикации романа *Индиана* (1832) («J'entrai dans une nouvelle phase de ma vie...» (George Sand 2001, I, 358)) и работой над первым автобиографическим текстом – *Письмами путешественника* (1834), тогда же, по ее словам, она выходит в большую жизнь («cette vie générale» (George Sand 2001, II, 403)). Важным фактором взросления становится эмоциональный опыт («les abîmes des passions et les problèmes de la vie... vertige des premières découvertes» (George Sand 2001, II, 438)). Таким образом, процесс творческого становления совпадает с наиболее бурным и противоречивым отрезком личной биографии писателя. В книге воспоминаний этот этап жизненного пути представлен пунктирно, в соответствии с замыслом автора, озвученным в самом начале повествования о годах, проведенных в Париже: ««je dois commencer par dire nettement que je veux taire et non arranger ni déguiser plusieurs circonstances de ma vie»»²⁸ (George Sand 2001, II, 310) А спустя всего десять лет Жорж Санд уже говорит о себе как о человеке, достигшем зрелости, испытывающем отвращение к жизни и жаждущем отдохновения («L'horreur de la vie, la soif du repos» (George Sand 2001, II, 527)).

²⁷ <...> я скорее страшилась будущего, нежели желала его. Неизвестность меня пугает, поэтому я предпочитаю печалиться о прошлом.

²⁸ <...> вначале я хочу ясно дать понять, что не желая ничего подтасовывать и утаивать, собираюсь просто обойти молчанием ряд обстоятельств своей жизни.

Однако само понятие «зрелость» («maturité») встречается в тексте лишь дважды, а слово «adulte» (взрослый) вообще отсутствует; композиционно этот промежуток жизненного пути в тексте также не выделен.

Причина такого явного нежелания говорить о переходе от молодости к зрелости, помимо твердого намерения не посвящать любопытных в интимные подробности своей жизни, косвенно раскрывается в рассказе *Метелла* (1834), героиня которого переживает именно этот возрастной кризис. Жорж Санд обозначает ее возраст как «неопределенный» («l'âge indéfinissable»), который принято скрывать как «позорную тайну» («cet âge problématique dont les femmes cachent le chiffre comme un affreux secret») (Санд 1973, 591). Это тот самый драматический рубеж, когда женщина предпринимает последнюю отчаянную попытку остановить бег времени, сохранить во что бы то ни стало свою неумолимо увядающую красоту. Решение проблемы автор видит в прекращении бессмысленной борьбы со временем, безоговорочном принятии героиней своего возраста:

И когда она открыто приняла старость, когда перестала прятать свои чудесные седые волосы, когда слезы и бессонные ночи уже не бороздили преждевременными морщинами ее чела, когда спокойнее, медленнее и размереннее стал тускнеть античный мрамор ее лица, тогда отчетливей проступил вновь в облике леди Метеллы нетленный прообраз ее красоты (Санд 1973, 630).

Такая модель восприятия зрелости представлена и в *Истории моей жизни*. Описывая трансформации, произошедшие с ее матерью в том же возрасте, Жорж Санд обращает внимание на то, что прекратив погоню за ускользающей юностью, женщина обретает покой, а с ним и сообразную ее годам красоту:

Elle a enfin passé l'âge où on se ressent encore d'une grande crise, et à présent la voilà comme elle était dans sa jeunesse, aussi aimable et presque aussi belle." C'était la vérité. Quand elle était un peu parée, et elle s'habillait à ravir, on la regardait encore passer sur le boulevard, incertain de son âge et frappé de la perfection de ses traits²⁹ (II, 495).

²⁹ «Она наконец-то преодолела возраст, когда еще чувствуются последствия серьезного кризиса, и теперь вновь стала такой, как в молодости, такой же милой и почти такой же красивой». Это была истинная правда. Когда она, слегка принарядившись, а одеваться она умела восхитительно, шла по

Подобным образом воспринимает она и перемены в себе самой. В первой главе, датируемой 1847-м годом, сорокатрехлетняя Жорж Санд говорит о себе как о состоявшемся человеке: «je me trouve arrivée à un âge de calme où ma personnalité n'a rien à gagner à se produire, et où je n'aspirerais qu'à la faire oublier, à l'oublier moi-même entièrement»³⁰ (George Sand 2001, I, 48). А уже в 1848 году, возвращаясь к воспоминаниям после короткого перерыва, вызванного революционными событиями, она отмечает, что состарилась: «J'ai beaucoup appris, beaucoup vécu, beaucoup vieilli durant ce court intervalle»³¹ (George Sand 2001, I, 127). Маркером наступления зрелости также становится обретение внутреннего спокойствия («le calme»), которое достигается отказом от того самого «чувства личности», возведенного в культ романтиками и находит выражение в стремлении раствориться в других, усиливающимся с наступлением старости («quand on a réussi à devenir excellent pour quelqu'un, on ne tarde pas à devenir meilleur pour tout le monde»³²).

И все же в *Истории моей жизни* старость еще не осмысливается автором как факт личной биографии, она воспринимается скорее как явление, соответственно, и отношение к ней дано в повествовании имплицитно – через образы бабушки и ее многочисленных знакомых, т.н. «старых графинь» («les vieilles comtesses»). При этом, в диахроническом плане молодости у Жорж Санд противопоставлена не старость (излюбленная романтиками тема утраты молодости), а зрелость («un âge de calme»), избавляющая от тревог и метаний неопытного сердца, тогда как в синхроническом плане оппозицией старости становится детство. Появление антиномичной пары «детство–старость» обусловлено биографическими обстоятельствами. Переданная матерью на воспитание бабушке, маленькая Аврора вынуждена возвращаться в обществе ее многочисленных знакомых – состарившихся аристократов, этих обломков Старого режима, нелепый внешний вид которых

бульвару, ее совершенные черты все еще обращали на себя внимание, а ее возраст невозможно было определить.

³⁰ <...> я чувствую, что достигла безмятежного возраста, когда моей личности уже нет нужды заявлять о себе, стремиться к признанию, когда я страстно хочу только одного, чтобы все забыли о ней, чтобы я сама совершенно о ней забыла.

³¹ Я многому научилась, многое пережила и очень состарилась за этот короткий промежуток времени

³² <...> когда тебе удалось стать родной душой для кого-то одного, скоро ты станешь лучше для целого света.

вызывает у девочки отвращение и отторжение. Старики показаны сквозь призму восприятия юной Авроры, не способной, в силу своего возраста, разглядеть за внешними признаками старения жизненный опыт, широту души или способность к здравым суждениям. Соответственно, образ старости, в отличие от детства и юности, формируется через описание внешних примет увядания, таких как утрата физической привлекательности, живости мысли, легкости, подвижности, т.е. всего того, что принято считать атрибутами молодости. В повествовании преобладают портретные характеристики, причем отталкивающие качества персонажей акцентируются и нередко приобретают карикатурные черты («je ne voyais que les disgrâces et les ridicules des solennelles personnes qui en étaient revêtues»³³ (George Sand 2001, I, 299)).

Свой собственный образ в этот возрастной период Жорж Санд строит от противного, акцентируя физическое здоровье («J'avais alors environ quarante ans, et quoique sujette à des névralgies terribles, je me sentais physiquement beaucoup plus forte que dans ma jeunesse»³⁴ (George Sand 2001, II, 527)), любовь к путешествиям, шумным развлечениям и театральным представлениям. Так, о себе сорокалетней она пишет:

Me voilà assez vieille, et, pourtant, à beaucoup d'égards, j'ai eu cette grâce du bon Dieu de rester enfant. Le spectacle m'amuse encore quelquefois comme si j'avais encore douze ans, et j'avoue que ce sont les spectacles les plus naïfs, les mimodrames, les féeries, qui me divertissent si fort³⁵ (George Sand 2001, I, 484).

Таким образом, она продолжает ставить перед собой все те смысложизненные задачи, которые традиционно исчерпываются с наступлением старости – личная и профессиональная востребованность, мобильность, вовлеченность в жизнь социума. Возможно именно здесь следует искать истоки того упорства, с которым Жорж Санд окружала себя молодежью в зрелые годы. Она во что бы то не стало

³³ <...> я видела только внешнюю неловкость и смехотворность этих церемонных особ.

³⁴ Мне тогда было около сорока и, несмотря на жесточайшие головные боли, физически я чувствовала себя намного крепче, чем в юности.

³⁵ И вот, будучи уже достаточно старой, я, тем не менее, по милости Божьей, во многих отношениях остаюсь ребенком. Порой я веселюсь на спектакле так, словно мне по-прежнему двенадцать, и уверяю вас, меня развлекают самые бесхитростные представления, вроде пантомимы или феерии.

пытается сохранить привычный социальный ландшафт, несмотря на то, что круг близких и друзей распадается, множатся неизбежные утраты: «Hélas! la mort ou l'absence ont dénoué la plupart de ces relations, sans refroidir mes souvenirs et mes sympathies»³⁶ (George Sand 2001, II, 525). Подобно Шатобриану, затеявшему книге 39-й *Замогильных записок* переключку участников Веронского конгресса, большинство из которых к тому времени уже умерло (Chateaubriand 1998, IV, 385-386), Жорж Санд в последней главе воспоминаний также перечисляет ушедших, называя имена Мицкевича, Де Латуша, генерала Пепе (George Sand 2001, II, 525–526) и далее – дорогих ей Шопена и сводного брата Ишполита, друзей и знакомых детства. Оглядываясь вокруг себя, она видит пустоты – следствие зловещей жатвы, производимой смертью и изгнанием («la mort ou l'exil ont fauché autour de nous!» (George Sand 2001, II, 539) – образ созвучный шатобриановскому, когда опустошения, производимые временем ассоциируются с вечной вырубкой («la coupe est éternelle» (Chateaubriand 1998, III, 664).

Подводя итог, можно утверждать, что возраст в *Истории моей жизни* предстает неотъемлемой составляющей личной идентичности повествователя. При этом, возрастная периодизация в повествовании индивидуальна и лишь в общих чертах соответствует общепринятой, а характер изображения отдельных возрастных периодов отличается, в зависимости от дистанции, которая отделяет время повествователя от времени повествования. Так, детство показано и как индивидуальное психофизическое состояние, и как универсальная фаза человеческого развития. Оно, в отличие от последующих возрастных эпох, обладает наиболее отчетливо выраженной темпоральностью. Здесь также наиболее явственно ощущается моделирующее сознание автора, который, спустя много лет, воссоздает свой прошлый опыт, обобщая в частности и придавая ему характер универсальности. По мере взросления героини, на первый план выходит история жизни души. Хронологическая дифференциация уступает место тематической, усиливается субъективность восприятия хода времени, а тенденция к универсализации сменяется акцентированием индивидуальных особенностей психологического состояния, усиливается гендерная маркированность. Наименьшей интроспективностью обладают рассуждения о старости, что объясняется временем создания *Истории*

³⁶ Увы, смерть или отсутствие положили конец большинству этих отношений, не остудив, однако, жар моих воспоминаний и мою симпатию.

моей жизни – к 1855 году, когда были написаны последние главы воспоминаний, Жорж Санд исполнился 51 год, и она еще только вступила в пору зрелости. Интерпретация старости как факта биографии, представленная в последующих автобиографических текстах писательницы, а также в ее переписке с Флобером 1860-х-1870-х гг., представляет широкие перспективы для дальнейших исследований категории возраста в творчестве Жорж Санд.

ЛИТЕРАТУРА:

- Августин Блаженный: *Исповедь*, в: *Творения*. т. 1, *Об истинной религии*. Санкт-Петербург – Киев 2000, с. 469–741.
- Аръес Филипп: *Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке*. Екатеринбург 1999.
- Жорж Санд: *Метелла*, в: *Собр. соч. в 9-ти томах*, т. 6. Ленинград 1973, с. 579–630.
- Зеньковский Василий: *Психология детства*. Лейпциг 1924.
- Фориша-Ковач Барбара: *Развитие в подростковом и юношеском возрасте (adolescent development)*, в: *Психологическая энциклопедия*. Санкт-Петербург 2006, с. 717–719.
- Эпштейн Алек Д., Кожевников Андрей: *Неслучайно забытый мыслитель: Пьер Леру и вычеркнутые из памяти истоки демократического солидаризма*, «Неприкосновенный запас» 2014, № 6(98), с. 302–320.
- Chateaubriand François.-René de: *Mémoires d'outre-tombe*, vol. 1–4. Paris 1989–1998.
- Chateaubriand François.-René de: *René: oeuvres de Chateaubriand*. Paris 1857.
- George Sand: *Histoire de ma vie*, vol. 1–2. Paris 2001.
- George Sand: *Métella*, in: *La Marquise. Lavinia. Métella. Mattéa par George Sand*. Bruxelles 1857, p. 125–208.
- Laforgue Pierre: *Le Je dans Histoire de ma vie*, in: José-Luis Diaz, Simone Bernard-Griffiths: *Lire Histoire de ma vie de George Sand*, «Cahiers Romantiques» 2006, № 11, p. 335–349.
- Marix-Spire Thérèse: *Les romantiques et la musique: le cas George Sand, 1804-1838*, vol. 1. Paris 1954.
- Planté Christine: *L'enfance ne passe pas pour tout le monde – Sur quelques figures de l'enfance au féminin dans Histoire de ma vie*, in: José-Luis Diaz, Simone Bernard-Griffiths: *Lire Histoire de ma vie de George Sand*, «Cahiers Romantiques» 2006, № 11, p. 265–280.
- Rousseau Jean-Jacques: *Émile*, in: *Collection complète des œuvres de J. J. Rousseau*, vol. 4. Genève 1782.